

АЛЕКСАНДР ГОРДИН

КАНИКУЛЫ ВЗРОСЛЫХ = ОШИБОК =

Романтическая комедия

ТОМ 1: ХОЗЯЙКА КОТТЕДЖА

18+

КАНИКУЛЫ ВЗРОСЛЫХ ОШИБОК

Александр Гордин

Каникулы взрослых ошибок. Том 1

«Автор»

2026

Гордин А.

Каникулы взрослых ошибок. Том 1 / А. Гордин — «Автор»,
2026 — (КАНИКУЛЫ ВЗРОСЛЫХ ОШИБОК)

Романтическая комедия об отпуске пяти семейных пар 50+ в коттедже у Чёрного моря. Марина много лет собирала в Коктебеле одну и ту же компанию и держала на себе весь отдых: быт, ужины, комнаты, чужие привычки и комфорт. Но в этот раз порядок ломается. Один из друзей приезжает с молодой спутницей, в доме начинается вежливая война за территорию, а Марина впервые понимает, что устала быть незаменимой функцией. На фоне ревности, смеха, жары, вина и летних ужинов ей придётся разобраться не только с чужими браками, но и со своим. А старая игра, с которой когда-то начались почти все эти пары, заставит друзей усомниться: была ли их первая ночь случайностью? «Хозяйка коттеджа» — тёплая, смешная и чувственная история о любви, браке и прошлом, которое умеет преподносить неудобные сюрпризы. Первая книга серии «Каникулы взрослых ошибок».

© Гордин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Один коттедж, четыре пары и приложение	5
Глава 2. Кухня как система власти	11
Глава 3. Ужин с новым элементом	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Гордин

Каникулы взрослых ошибок. Том 1

Глава 1. Один коттедж, четыре пары и приложение

*Море, вино и чужие сюжеты,
полный бардак и горячий душ.
Взрослые люди, смешные ответы —
и всё это вместе ромком, а не чушь*

Марина стояла на крыльце своего коттеджа в Коктебеле, положив ладонь на нагретые солнцем перила. Тёмно-русые волосы были кое-как собраны, как всегда, когда с утра приходилось встречать, проверять, помнить. Прямо за домом поднимался высоченный Кара-Даг — древний потухший вулкан у самого края посёлка. Внизу, за дорогой и чужими крышами, блестело море, сбоку тянулся виноградник, уже слегка припылённый крымской жарой.

Дом они с Андреем купили двенадцать лет назад, недорого, и долго доводили до ума. Марина первые годы им очень гордилась: старую крымскую черепицу для крыши собирали едва ли не поштучно, и теперь только у них на улице дом выглядел по-настоящему аутентичным. Внутри всё было готово: постели застелены, полотенца сложены, на дверях — записки с именами, потому что два года назад одна из пар заняла чужую комнату и до часу ночи доказывала, что именно эта дверь — их.

Андрей спал после пляжа и вкусного обеда. Сварив ей кофе, он пошёл прилечь на десять минут. Марина давно знала цену этим минутам, и как обычно, встречала гостей одна. Раньше она любила эти тусовки, но в последние годы заранее знала, чем они кончаются: сначала приезжают друзья, потом чемоданы, потом чужие привычки, и к вечеру отпуск есть у всех, кроме неё.

* * *

Первая машина вылетела из-за поворота так, будто её заждались ещё вчера.

Джип Виктора, весь облепленный пылью, влетел во двор, остановился — и благодарно заглох. Передние двери распахнулись почти одновременно.

Из водительской выбрался Виктор — крупный, загорелый, в шортах карго и футболке, которая за дорогу окончательно потеряла форму. Выпрямился, вдохнул морской воздух, сделал шаг — и нога, проведшая двое суток на педалях, вежливо сообщила: я ухожу в отставку. Шаг получился осторожный, проверочный — как у человека, который не уверен, что земля никуда не уедет. На третьем шаге Виктор дотянулся до капота, обжёг пальцы, выругался серией из трёх слов и решил больше ни на что не опираться.

— Ты можешь представить, где мы ночевали? — спросил он вместо приветствия с гордостью ветерана боевых действий.

— Могу, — Марина поморщилась. — Но боюсь представить, как.

С пассажирского кресла буквально вытекла Надя — со сбившимся мягким блондом, в больших очках и с лицом человека, который двое суток терпел чужие решения. Вытекла — потому что ноги её тоже не горели желанием сотрудничать. Она захлопнула дверь, обошла машину и уставилась на Виктора взглядом жены, которая уже готова не спорить, а предъявлять материалы дела.

Марина спустилась, коротко обняла Надю, потом Виктора. По инерции, по привычке — двенадцать лет, почти родственники.

— Готовься, — сказала Надя ей в плечо.

— Уже, — ответила Марина.

— Нет, — Надя отстранилась. — Ты не готовилась к этому. Ты готовилась к обычному. Марина открыла рот. Закрыла. По лицу Нади было ясно: сначала душ, потом показания. Виктор поднял палец.

— Мотель «Волшебный уют». С вывески отвалились первые четыре буквы. Теперь это честное заведение «Ебный уют». Редкий случай, когда реклама не соврала!

Надя зажмурилась.

— Я не хочу вспоминать. Я хочу душ с водой одного цвета, и чтобы никто не храпел «Владимирский централ» в три ночи.

— Там была кровать, — продолжал Виктор. — На вид обычная. На ощупь — как будто набили матрас конструктором «Лего».

— И вода из крана: сначала ржавая, потом холодная, потом нормальная.

— Мне хватило двадцати девяти секунд, — сказала Надя. — Помыться, офигеть и навсегда вычеркнуть это место из памяти.

Во двор как раз вкатился пыльный кроссовер со второй парой — Ирой и Игорем. Дверь открылась, и прежде чем показалась сама Ирина, из машины уже донеслось:

— И я свой рекорд побил. Сорок секунд. До этого он держался с первого курса, когда в общежитии горячую воду давали по расписанию и только тем, кто успел.

Ирина вышла из машины собранно — в тонкой тёмной оправе, ни складки лишней, ни волоса — как человек, у которого даже усталость ходит строевым шагом. За ней — немного вразвалку, с рубашкой навыпуск и в очках с тонкой металлической оправой на носу — выбрался Игорь, который единственный из всей компании умудрялся выглядеть как человек, приехавший отдохнуть, даже после суток в пути. Он сразу потащил из машины чемодан, который явно видел жизнь, и пакет с чем-то, что жару явно пережило хуже них.

Марина обняла Ирину крепче обычного. Та коротко сжала ей руку — что у Ирины означало примерно то же, что у других людей — слёзы радости.

— Вы выжили, — сказала Марина.

— С точки зрения матраса мы должны были умереть ещё ночью, — ответила Ирина.

— Я не понимаю, чего вы ноете, — Игорь повёл плечами. — Всё было нормально.

— Ты спал, — напомнила Надя.

— Я умею абстрагироваться.

— Ты смог абстрагироваться лишь в три ночи, — сообщила Ирина. — Когда начал нахрапывать «Владимирский централ».

— Я не храпел. Я напевал. Это принципиально разные формы насилия.

Марина рассмеялась — не из вежливости. Нормально, по-настоящему — впервые за день.

Она загнала их в дом. Вода одного цвета. Матрасы без сюрпризов. По крайней мере, на момент покупки.

Внутри дом встречал прохладой, пахнувшей стиркой, деревом и персиками. Узкий коридор тянулся к лестнице, справа открывалась кухня-гостиная, и стоило зайти внутрь больше чем двум взрослым людям с багажом и мнением, как всё начинало гудеть. Чемоданы задевали стены, двери хлопали, кто-то уже спрашивал про душ, кто-то — про розетки, и дом на глазах превращался в сезонное общежитие для людей, которые любят друг друга, но не настолько, чтобы делить один санузел без комментариев.

Виктор доковылял до порога, обернулся:

— Я теперь не доверяю матрасам.

Наверху уже хлопнула первая дверь. Виктор немедленно заорал:

— Горячая вода точно есть?

Кто-то уже нашёл полотенце — и сразу втянулся в спор, чьё оно. Игорь грохотал чемоданом по коридору так, будто всё-таки вёз с собой остатки того самого «Лего».

— Марин, а какая в этом году наша комната? — донёсся из глубины дома голос Игоря.

Марина автоматически посмотрела на свой аккуратный листок с распределением и на секунду зависла: в нём были все привычные имена и ни одной лишней строчки.

— Та же, что и всегда! — крикнула она. И только потом спокойным голосом добавила: — Пока никто не доказал обратное.

Марина вышла на крыльцо допить кофе.

На минуту двор снова почти затих. Из дома доносились крики и споры, а перед крыльцом лежал тот короткий клочок тишины, который бывает только между двумя волнами хаоса. Марина сделала глоток, посмотрела на дорогу, на Кара-Даг, на виноградник, на дальнюю полосу моря между крышами и успела подумать, что, может быть, в этом году всё пойдёт хотя бы без сюрпризов.

И тут же услышала звук другой машины.

Тихий, ровный, наглый. Машина приехала не с трассы — а с живописного прибрежного серпантина.

* * *

Кроссовер заехал во двор чистым, как будто его час назад выдали из салона. Остановился ровно, без суеты.

Из водительской дверцы с лёгкостью курортника вылез Олег. Загорелый, выспавшийся, в лёгкой футболке, слишком свежей для человека после дороги, с аккуратной сединой у висков. Без следа пыли.

— Привет, — Олег махнул ей с той же лёгкостью, что и всегда.

— Привет, — ответила Марина.

Они обнялись коротко и неловко. Раньше это получалось проще. От него пахло загаром, лёгкостью и отпуском, который явно начался вовремя.

Из дома выковылял Виктор с полотенцем на бёдрах. Уставился на Олега. На чистую машину. На отсутствие царапин судьбы.

— Немедленно помнись.

— Мы из Ялты, — начал оправдываться Олег. — Отель, море

Марина уже хотела спросить, сколько ещё лет он собирается приезжать один, но тут дверь пассажира открылась — и вопрос отпал сам собой.

Из машины вышла девушка — густые тёмно-русые волосы, джинсовые шорты, светлая футболка, модные слингбэки на каблуке. Дамский мини-рюкзачок на одном плече.

Лет тридцать. Минус двадцать пять от их среднего. Кожа без единой заслуженной морщины.

Девушка шагнула к крыльцу и тут же слегка споткнулась о бордюр.

— Осторожно, — автоматически сказала Марина. — У нас тут порог с характером.

— Это Алина, — представил Олег. — Она со мной.

— Здравствуйте, — сказала девушка и протянула руку.

И в этот момент её рюкзачок расстегнулся. Не драматично — просто молния заднего отделения решила, что сегодня у неё выходной. Из рюкзачка выпал телефон, пачка салфеток, а следом — предательски большая плоская пачка в бело-синей картонной упаковке. Она упала ровно к ногам Марины этикеткой вверх.

Все замолчали. Рукопожатие зависло в воздухе. Виктор крикнул и с завистью уставился в сторону моря. Марина прочитала надпись: «48 штук, ультратонкие».

Алина покраснела мгновенно. Олег торопливо сунул пачку под мышку — в карман она всё равно не влезала.

— Аптечка, — сказал он. — У нас в машине всегда. Для всяких дальних поездок.

— Аптечка, — вязко повторил Виктор, наконец отрывая взгляд от моря. — Интересная у вас аптечка, Олежек. Сорок восемь штук — это не аптечка, это стратегический запас на год.

В дверях материализовалась Надя. Она окинула картину быстрым взглядом — красная Алина, Олег с зажатой подмышкой пачкой, Марина с каменным лицом и застывшей рукой, — и, кажется, всё поняла.

— Это кто?

— Алина.

— Я не про имя. Я про диагноз.

— Спутница, — нашёлся Олег.

— Спутница — повторила Надя, пробуя это слово на вкус. Слово не понравилось.

За спиной Нади возникла Ирина. Окинула Алину взглядом — беглым, как сканер в аэропорту, — и ничего не сказала.

— Соболезную, — пожимая руку Олегу, сказал Виктор.

Надя ткнула его локтем.

— Витя, — сквозь зубы сказала Надя и тут же повернулась к Алине. — Дяденька так шутит. Я Надя. Пойдём, покажу, где что. Тут есть нюансы.

— Какие?

— Начнём с холодильника.

Алина кивнула и вошла внутрь. Олег, всё ещё прижимая коробку, потопал за ней.

Марина едва не рассмеялась — и тут же разозлилась. Пришлось придавить и то и другое.

— Марин, а Алину куда? — спросил из дома чейто голос.

Марина знала наизусть: четыре комнаты, четыре пары, ни одного лишнего имени: «Виктор и Надя», «Ирина и Игорь», «Сергей и Вера», «Олег и ». Ни одной «Алины».

— К Олегу, — ответила она. — У него как раз комната «для одного взрослого с приложением».

Надя фыркнула. Марине сразу стало чуть легче.

Из дома донёсся голос только что проснувшегося Андрея:

— Марин! А где мои шлёпки?

— Я никогда не знала, где твои шлёпки, дорогой муженёк.

— А я их сюда привёз!

— Это сужает круг до «в доме», — сказала Марина. — Дерзай.

Она не двинулась с места. Стоило один раз включиться — и дальше всё опять было бы на ней.

Сверху донёсся грохот и короткое ругательство: похоже, Андрей всё-таки нашёл шлёпанцы и сразу с ними не договорился.

Олег вернулся на крыльцо к Марине.

— Где нам всё же...

— Наверх. Все комнаты подписаны. Постельное есть, полотенца есть. Если чего-то не хватает — сначала ищите, потом кричите.

— Мы не будем кричать, — пообещал он.

— Сорок восемь штук говорят обратное, — сморозил Виктор из кухни.

* * *

Из последней машины первой выпорхнула Вера — с тёплым каштаном волос, в ярком топе, с браслетами на запястьях, которые звенели при каждом движении. Приехала последней, зато с видом человека, который не две тысячи километров отмотал, а просто отъехал за хлебом.

— Маринка, солнце моё, ты не представляешь, что такое ехать с мужиком, который через каждые сто километров останавливается подумать.

— О чём?

— Не знаю. Но на каждой заправке он покупал банку оливок. Теперь их столько, будто едем не в отпуск, а открывать лавку.

Из машины вылез Сергей — без спешки, с двумя сумками, в рубашке с закатанными рукавами, с сединой на висках и той спокойной надёжностью, от которой всё вокруг сразу делалось проще. Он посмотрел на Марину и улыбнулся одними глазами. Марина поймала себя на том, что улыбается в ответ быстрее, чем собиралась.

— Серёжа, ты хоть бы предупредил, что вы задерживаетесь.

— Мы не задерживались, — он обнял её крепко, бережно и как обычно поцеловал. — Верунчик просто не могла проехать мимо аутлета с керамикой.

— Это была керамика по специальной цене! — крикнула Вера от крыльца.

— Три одинаковых горшка по цене двух, — поправил Сергей. — Которые теперь будут стоять в гараже до пенсии.

Марина усмехнулась. От него пахло дорогой, солнцем и кофе из бумажного стаканчика.

— Ты опять одна встречаешь весь этот цирк?

— А кто же ещё.

— Тогда хоть не носись. Мы сами зайдём.

Марина мысленно отметила, что это была самая приятная фраза за сегодняшний день.

— Это звучит подозрительно разумно.

— Я сегодня стараюсь.

Он подхватил сумку и шагнул к крыльцу.

— Налей нам вина. Только себе тоже налей, вместе за приезд выпьем! А я пока проверю, что с нашей комнатой.

— В ней уже спит Игорь.

Сергей остановился.

— Наш тенор, который храпит «Владимирский централ»?

— Тот самый.

— Тогда я буду спать в машине, — сказал Сергей и исчез в коридоре.

* * *

Марина поднялась следом.

На втором этаже уже хлопали дверьми. В коридоре справа подряд шли уже подписанные двери — «Вера и Сергей», «Ирина и Игорь», «Виктор и Надя»; слева — их с Андреем дверь с табличкой «Главный штаб», рядом общий санузел. И только на лавандовой ещё висела маленькая выцветшая бумажка, на которой когда-то значилось: «Олег и»

Никто ничего не сказал про эту бумажку.

— Это ваша.

Алина стояла у двери с рюкзаком на плече и смотрела не в комнату, а на эту самую бумажку — как будто сначала надо было понять, кого именно здесь больше нет.

Марина открыла дверь шире.

— Располагайся.

Алина вошла, но рюкзак не сняла. Так и осталась стоять у кровати — будто не была уверена, можно ли занимать место целиком.

— Расслабься, — сказала Марина. Помолчала секунду и поправила уже ровнее: — В смысле, располагайся.

Алина наконец сняла рюкзак.

— Я просто не хочу никому мешать.

— Ты здесь не лишняя, — сказала она. — Просто дом старый, а привычки у всех ещё старше.

Алина кивнула, и по этому кивку было видно, что ей сказали не то чтобы много, но именно то, чего она ждала.

В конце коридора что-то хлопнуло. Ирина, не оборачиваясь:

— Игорь, выйди из кладовки.

Пауза.

— Откуда ты знаешь?

— Двенадцать лет.

* * *

Вера уже командовала на кухне: переложила чей-то сыр, нашла вино, разлила по бокалам.

— Ты как хозяйка, — заметила Марина.

— Я как женщина, которая хочет выпить, — поправила Вера. — Это разные вещи.

Она протянула бокал, чокнулась, отпила.

— Рассказывай, что нового? — потребовала Вера.

— Олег привёз девушку. Лет тридцать. И рюкзак с сюрпризом.

— Надеюсь, не термос с ромашкой?

— Хуже. Презервативы. Не пачка, а заявка на олимпийский сезон.

Вера поперхнулась вином.

— Сорок восемь? Он что, в кругосветку собрался?

— Судя по его виду из Ялты, это запас на первый вечер.

— Господи. А я думала, в нашем возрасте секс — это раз в год и то после трёх бокалов.

— Это потому, что вы с Сергеем давно не на каникулах, — сказала Марина. — А Олег, видимо, решил омолодиться по полной.

— А у тебя с Андрюхой как?

— Как у людей, которые всё время устают в разное время, — ответила Марина.

— А у нас кефир на ночь, — вздохнула Вера. — Я Серёже говорю одно, а он мне: «Давай утром, я утром лучше соображаю».

Марина расхохоталась — громко, искренне.

— Ну, — сказала она, поднимая бокал, — за то, чтобы у нас хотя бы колени не подводили в самый ответственный момент!

Они чокнулись.

— И за спину, которую мы не сорвём, когда будем храбрыми.

Со второго этажа донёсся голос Сергея:

— Вер, ты скоро?

Марина осталась на кухне одна. Допила вино. Поставила бокал в раковину.

В коридор вышел Андрей — босиком, с одним шлёпанцем в руке, в футболке наизнанку, сонный, растрёпанный и до смешного знакомый. Марина на секунду поймала себя на том, что когда-то именно такой домашний беспорядок в нём её и смешил. Моргнул на пустую бутылку, на Марину и ушёл искать очки.

Теперь ей никто не мешал слышать, как дом продолжает жить сам по себе: наверху спорили про окна, в коридоре кто-то ругался на чемодан, на террасе уже кто-то смеялся. Впервые за двенадцать лет она стояла на кухне одна и не бросалась никого спасать. Просто постояла. Полминуты. Для себя. Неожиданно это оказалось настоящим кайфом. И это было уже слишком хорошо.

Каникулы взрослых ошибок начинались.

Глава 2. Кухня как система власти

К вечеру дом наконец обрёл тот вид, который всегда появляется у него в первый день: чужие сумки уже не валяются посреди прохода, полотенца висят на крючках, кто-то нашёл штопор, кто-то уже потерял очки. А кухня из помещения превратилась в нервный центр — туда идут за водой, за ножом, за одобрением, за солью, за сплетней, за вином, за поводом не сидеть в комнате в одиночку.

Кухня и гостиная здесь были одним большим аквариумом — настоящим open space. Французское окно почти в пол выходило на террасу и узкую полоску моря; поперёк него стоял длинный деревянный стол, дальше углом уходила кухня с плитой и раковиной, а у камина, который летом служил чистой декорацией, притулились диван и низкий журнальный столик. Стоило кому-то встать — у плиты, у стола или у дивана, — он сразу оказывался на виду.

Марина хорошо знала этот момент, когда дом перестаёт быть просто домом. Обычно к этой минуте она уже успевала всех собрать, всех направить, и сама незаметно оказаться у плиты. Теперь она всё чаще ловила себя на простом, неприятном вопросе: почему опять она. Ответа не было. Нож в руке был.

Мужчины расплзались на террасе вокруг мангала с видом людей, которые находятся при важном деле. Женщины оказывались на кухне как будто случайно, хотя никакой случайности не было: взрослые давно научились называть перегруппировку «помощью с ужином».

Марина резала помидоры быстро и ровно, как человек, у которого движение руки отточено годами. Вера мыла зелень, время от времени поглядывая через французское окно на террасу — браслеты на запястьях тихо звенели о край раковины, будто тоже ждали, что оттуда кто-то войдёт. Надя, как обычно, молча кружила между столом и раковиной, подхватывая то доску, то миску, ещё до того как кто-то успевал попросить. Ирина стояла у столешницы с огурцами и нарезала их с почти хирургической собранностью — одинаковыми кружками, без спешки и без единого лишнего звука. На подоконнике потел бокал белого вина, который никто пока не пил, но все считали своим законным утешением.

— Ну что, — сказала Вера, отряхивая укроп так, будто это было нервное упражнение. — Будем делать вид, что ничего не происходит?

— А у нас что-то происходит? — спросила Ирина, не поднимая глаз.

— Ир.

— Я просто уточняю жанр.

Марина усмехнулась, не отрываясь от помидоров.

— Жанр у нас один, — сказала она. — Люди среднего возраста делают вид, что всё нормально.

— И иногда даже успешно, — добавила Ирина.

Они помолчали. С террасы доносилось, как Виктор уже в третий раз объясняет кому-то про угли, будто угли каждый год новые и нуждаются в отдельной публичной презентации. В гостиной Игорь что-то искал в ящике буфета и бормотал себе под нос с той степенью достоинства, которое бывает у людей, не нашедших откровения и не готовых в этом признаться.

— Нет, — наконец вырвалось у Веры. — Я всё-таки хочу понять. Он совсем с ума сошёл?

— Кто именно? — уточнила Ирина.

— Виктор, — автоматически ответила Вера и тут же сама фыркнула. — Да нет же, Олег.

— Это не сумасшествие, — сказала Ирина. — Это кризис самооценки с элементами курортной самодеятельности.

— Двадцать лет — это не разница в возрасте, — заметила Вера.

— А что?

Ирина подняла глаза и ровно сказала:

— Это разница в операционной системе. К ним даже драйверы общие не найти.

На секунду стало тихо. Потом Марина рассмеялась первой — коротко, резко, так, что чуть не уронила нож.

— Господи, — сказала Вера. — Ир.

— А что? Это правда.

— Это страшная правда, — отрезала Марина.

— Я не сказала, что не страшная.

Смех вернул кухне правильный воздух. Не добрый — живой. Марина почти физически почувствовала, как приоткрылось окно.

— Мне, кстати, её жалко, — сказала Вера тише.

Марина подняла глаза.

— Кого?

— Да её. Алину.

— Жалко? — переспросила Ирина. — Интересный поворот.

— А тебе нет?

Ирина пожала плечом.

— Мне жалко всех, кто сознательно входит в чужую взрослую компанию летом в пятницу и думает, что его там ждут. Обычно такие быстро выходят — либо в слезах, либо с чемоданом.

Марина снова уткнулась в доску. Помидор под ножом мягко распался, пустил сок.

— У неё даже приглашения не было, — сказала она. — Только обещание, что «там будет хорошо».

— Ну вот, — спокойно ответила Вера. — Обещание есть. Остальное — её проблема и его фантазия.

В этот момент на кухне появилась Алина.

Не торжественно и не с вызовом — просто вошла, чуть громче, чем обычно, хлопнув дверцей, будто заранее извинялась не столько за слова, сколько за сам факт своего появления. На ней уже не было туфель, только светлые домашние сандалии, и от этого она казалась моложе и почему-то беззащитнее. Волосы распущены, футболка с коротким рукавом, джинсовые шорты — ничего провокационного, просто одежда человека, который собрался помогать готовить.

Ирина чуть резче, чем нужно, опустила нож на доску — не бросила, но дерево глухо щёлкнуло, и все три женщины на секунду замерли.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросила Алина.

Вера слишком быстро сказала:

— Да, конечно.

Ирина перевела взгляд на нож в своей руке и отодвинула его. Марина вытерла ладонь о полотенце.

— Конечно, — повторила она ровнее. — Возьми салфетки. Они в верхнем ящике. Нет, в другом. Да, вот там.

Алина выдвинула не тот ящик — медленно и осторожно, будто боялась задеть стенки. Потом следующий. Потом всё-таки нашла салфетки и достала их с сосредоточенностью человека, которому важно не ошибиться ещё раз.

— Куда поставить? — спросила она.

— На стол, — сказала Марина.

— На какой?

На секунду никто не ответил. В доме два стола — длинный в кухне-гостиной и поменьше на террасе, но тишина возникла не из-за мебели.

— На террасу, — сказала Вера мягко.

— Ясно.

Алина взяла салфетки и вышла. Через пять секунд вернулась.

— Простите. А приборы уже там или тоже...

— Тоже там, — сказала Марина.

— Хорошо.

Она взяла вилки, потом ножи, потом снова остановилась.

— И тарелки?

— И тарелки, — ответила Ирина.

— Поняла.

Когда дверь за ней закрылась во второй раз, на кухне стало тихо, будто кто-то вместо салфеток разложил по столу коллективную вину.

— Ну всё, — сказала Вера. — Отлично.

— Никто ничего не сказал, — заметила Ирина.

— Именно, — ответила Вера. — В этом и ужас.

Марина смотрела на дверную ручку, за которую Алина только что держалась.

— Она слышала про операционную систему? — спросила она.

— Если слышала, то только конец, — сказала Ирина. — Про драйверы.

— Конца достаточно, — вздохнула Вера. — Такой конец и институтский курс лекций заменяет.

Марина резко положила нож на доску.

— Прекратите, — сказала она.

Обе посмотрели на неё.

— Что именно? — спросила Ирина.

— Всё это. Она и так ходит по дому, как по минному полю. Не нужно ещё сверху раскидывать таблички «чужая».

Слова вышли быстрее, чем Марина собиралась. Она сама услышала в них усталость, злость и что-то ещё — чего не хотела пока называть. Может быть, зависть к тому, что у Алины была эта самая «операционная система», а у неё, Марины, уже давно всё залито бетоном.

Вера первой опустила глаза.

— Я не хотела, чтобы так вышло.

— Никто не хотел, — отрезала Ирина. — Но так обычно всё и выходит. В смысле — не то, что не хотел.

С террасы донёсся голос Виктора:

— А где штопор?

Игорь отозвался:

— Я его уже нашёл!

— Тогда почему бутылка всё ещё закрыта?

— Потому что я нашёл не тот! Это консервный нож!

Три женщины одновременно закрыли глаза.

Марина первой не выдержала и фыркнула. Потом засмеялась Вера. Ирина покачала головой, но у неё дёрнулся уголок рта.

— Иди спасай цивилизацию, — сказала она Марине.

— Сама иди.

— Нет, у меня огурцы в критической фазе. И вообще, я в прошлом году спасала. Твоя очередь.

Вера протянула Марине штопор, который всё это время лежал рядом с хлебницей.

— На. А то они там сейчас откроют вино отвёрткой.

— Или зубами, — сказала Ирина.

— Виктор может, — согласилась Вера. — Он в молодости так делал. Правда, потом три дня не мог целоваться.

Марина взяла штопор и вышла на террасу. На улице было теплее, чем внутри, — всегда удивляло, что в доме прохладнее, хотя снаружи то же самое крымское лето.

Там было светлее, шумнее и бессмысленнее. Мужчины уже успели что-то расставить по собственному чувству прекрасного, то есть хаотично. Игорь держал консервный нож и смотрел на него так, будто это был древний артефакт неизвестного назначения; очки съехали на нос, но руки были заняты. Виктор стоял над бутылкой вина с выражением человека, морально готового к подвигу. Андрей держал пачку угля так, будто только что спас её из пожара, и теперь не знал, куда её деть. Сергей сидел в кресле сбоку и смотрел на всё это молча — и именно это спокойствие раздражало Марину чуть сильнее, чем следовало.

— Вот, — сказала она, протягивая штопор. — Предмет, который человечество изобрело не зря.

— Я же говорил, он где-то есть, — обрадовался Виктор.

— Ты говорил про плоскогубцы, — напомнил Андрей.

— Это был план Б.

— У тебя всегда сначала план Б, — парировал Игорь. — Потому что план А предполагает, что оливки сами откроются.

— Оливки уже открыты судьбой, — парировал Виктор. — Они на втором этаже пережили клиническую смерть и воскресли. Чего вы к ним прицепились?

Сергей поднял на Марину глаза.

— Тяжёлый участок фронта? — спросил он тихо.

— Средней тяжести.

— То есть ещё не артиллерия.

— Пока позиционные бои. Готовим окопы.

— А я думал, вы на кухне тыл решаете, — усмехнулся Сергей. — Тыл решает исход войны.

Он чуть улыбнулся — не ртом, глазами. Марина отвела взгляд.

На террасу вышла Алина с тарелками. Виктор тут же бросился помогать, хотя помощь ему никто не поручал, а половина стола уже была заставлена как попало.

— Осторожно, тут ступенька.

— Я вижу.

— Я просто предупреждаю. У нас здесь инфраструктура с характером.

— Как конфорка? — неожиданно спросила Алина.

Марина подняла голову.

— Какая конфорка?

— Мне Олег сказал, что третья слева работает с характером.

На террасе стало тихо на полсекунды — именно столько нужно было, чтобы переварить Олегову метафору. Потом Вера, вышедшая с салатом в руках, прыснула прямо в плечо Виктору. Игорь кашлянул так подозрительно, будто скрадывал смех. Даже Андрей улыбнулся.

— Да, — сказала Марина. — Конфорка действительно с характером. И темпераментом.

— Тогда я к ней пока не готова, — ответила Алина.

— Так никто к ней не готов, — добавила Марина. — Мы просто делаем вид.

— Я, например, с ней давно на одной волне, — сообщил Игорь. — Она меня понимает.

— Конфорка или Вера?

— Конфорка. С Верой сложнее.

Алина наконец поставила тарелки и на секунду задержала руку на краю стола — будто проверяла, не качается ли он. Или это уже Марина сама начала приписывать жестам лишний смысл.

— Зато, — продолжила Марина, — если конфорка наконец решит сотрудничать, это будет лучший омлет в вашей жизни.

— Как с мужчинами, — сказала Вера. — Пока не начнёт работать — одни нервы. А начнёт — уже не остановишь.

— Ты это сейчас про Витю? — спросил Игорь.

— Я про жизнь, — вздохнула Вера. — Про жизнь, которая после пятидесяти.

Ужин складывался неровно, как всё в этот день, но складывался. Андрей разливал вино, Виктор рассказывал никем не запрошенную историю про рыбалку, Игорь спорил с ним о наживке так, будто от этого зависел размер его пенсии. Олег заметно оживился — внешняя катастрофа пока не наступила, и можно было делать вид, что именно этого он и ожидал.

Марина села не сразу. Сначала поправила скатерть, переставила соль, убрала лишнюю ложку — всё те же автоматические жесты человека, который двенадцать лет организовывал чужие жизни.

— Сядь уже, — сказал Андрей. — Всё стоит.

Она посмотрела на него. В голосе не было приказа, только запоздалая попытка сделать что-то правильное.

— Сажусь, — сказала она.

Сергей молча подвинул ногой свободный стул — так, чтобы ей не пришлось тащить его самой. Жест был крошечный. Но Марина его заметила.

И это было хуже всего. Потому что Андрей сказал правильные слова. А чужой мужчина сделал маленькое, но правильное движение, от которого ей вдруг стало неловко в собственном теле.

За столом разговор прыгал.

— За приезд, — поднял бокал Виктор.

— За выживание, — уточнила Ирина.

— После пятидесяти это почти одно и то же, — заметил Игорь.

— Не нагнетай, — попросила Вера.

— Я констатирую. У меня вчера колено хрустнуло так, что жена проснулась. Спросила: «Ты что, консервы открываешь?»

Олег засмеялся чуть громче остальных.

— Мне кажется, вы все преувеличиваете возраст.

— Конечно, — отозвалась Ирина. — Особенно ты. Тебе в Ялте, наверное, не напоминали, что скоро кефир на ночь станет главным событием дня.

— У нас в отеле был бассейн, — не к месту ответил Олег.

— А у нас был «Ебный уют», — парировал Виктор. — И вода трёх цветов.

— Зато теперь у тебя есть оливки, которые сами нашли дорогу на второй этаж, — добавила Надя. — Это дорогого стоит.

Марина посмотрела на Алину. Та сидела очень прямо, ела мало и улыбалась в нужных местах так собранно, что становилось не по себе. Каждый её жест был выверен — не потому что она фальшивила, а потому что боялась сделать лишнее.

— Алина, — сказала вдруг Вера с отчаянием человека, решившего спасти атмосферу ценой собственной неловкости. — А ты чем занимаешься? Ну, кроме того, что путешествуешь с гражданином, чья операционная система давно не обновлялась?

Алина на секунду опустила глаза, но быстро взяла себя в руки.

— Я работаю в студии. Делаем интерьеры, — ответила она. — Скорее младший партнёр на побегушках, но красиво называется дизайнер. Интерьеры, мебель, иногда просто советы, как не убить друг друга в одной комнате после двух лет изоляции.

— Это уже неплохо, — сказал Сергей.

— Особенно если квартира маленькая, — добавил Виктор.

— При чём тут квартира? — спросила Вера.

— Не знаю. Просто хотел поддержать разговор. У нас с Надей в гостиной обои разошлись по швам. Думаю, может, дизайнер нужен.

— Тебе не дизайнер, тебе психотерапевт нужен, — сказала Надя. — Обои уже отпали, а ты всё ещё споришь, какой стороной вешать туалетную бумагу.

— Это важный вопрос!

И тут Алина потянулась за водой и задела локтем блюдо с салатом. Большая ложка с мягким, очень красным помидором выскользнула и перевернулась прямо ей на колени. Пятно расплзлось быстро — по шортам, по краю футболки, по коже.

Тишина.

Потом Вера ахнула. Виктор вскочил. Олег сказал: «Господи». Андрей полез за салфетками не туда и вытащил открывалку. Игорь почему-то поднял со стола пустой бокал, будто собирался ловить им сок. Сергей встал одновременно с Мариной, но Марина уже была рядом.

— Не двигайся, — сказала она.

Алина застыла, глядя на красное пятно на светлой ткани, с выражением, будто организм окончательно решил её сдать.

— Это помидор, а не ножевое ранение, — сказала Марина тем самым голосом, которым говорят с детьми, с пострадавшими и иногда с самой собой. — Ты жива.

— Пока да, — выдавила Алина.

Марина забрала у Андрея наконец найденные салфетки, отстранила его локтем, промокнула край пятна.

— Пойдём. Холодной водой отойдёт.

— Я сама, — сказала Алина слишком быстро.

— Конечно сама. Я просто покажу кран. И расскажу, в каком углу холодная вода, а в каком — кипяток. У нас тут всё по своим конфорочным законам.

В ванной Алина закрыла дверь не до конца — то ли специально, то ли по привычке не занимать полностью даже это пространство. Стояла у раковины, держа двумя пальцами край футболки, и выглядела не молодой красивой женщиной, а человеком, который целый день старается пройти по комнате, ничего не задев, и всё равно задевает самое хрупкое.

— Снимай аккуратно, — сказала Марина. — Я принесу полотенце.

— Простите.

— За что?

— За всё это. За пятно, за то, что приехала, за Олега, за его пачку, за то, что у меня рюкзак расстегнулся, за то, что я выгляжу как... — Алина запнулась.

— Как человек, который влез не в свой вагон, — закончила Марина.

— Да.

Марина улыбнулась.

— Не бери на себя слишком много. Это не ты выглядишь, это ситуация выглядит. И все в ней выглядят.

— Я просто привыкла всё тянуть на себе, — тихо сказала Алина.

— Заметно, — сказала Марина.

В её голосе легко мог бы быть яд. Но нет. Только усталость и странное облегчение от того, что Алина не пытается играть в уверенную девчонку.

Алина подняла глаза.

— Я правда быстро учусь, — сказала она тихо. — И готовить, и салфетки раскладывать, и даже с этой вашей конфоркой разберусь. Просто дайте мне время.

И Марина вдруг поняла: это не про посуду и не про лавандовую комнату. Алина сказала это тоном человека, который много раз входил в чужие пространства и выживал, угадывая правила.

— Это плохой навык, — сказала Марина прежде, чем успела подумать.

Алина моргнула.

— Почему?

Марина взяла с полки чистое полотенце, подала ей и пожала плечом.

— Потому что потом сложно вспомнить, где ты сама, а где чужие правила.

С кухни донеслось:

— Нашёлся штопор номер два!

Ирина что-то ответила таким тоном, что даже сквозь стену было понятно: лучше бы не находился.

Обе женщины выдохнули — почти как смеются люди, которым на секунду разрешили не быть осторожными.

— Спасибо, — сказала Алина уже нормальным голосом.

— Пятно сначала холодной водой, потом посмотрим. Если не отойдёт — у нас есть средства. Вера умудрялась выводить красное вино с белой скатерти, а это лишь помидор, а не наводнение.

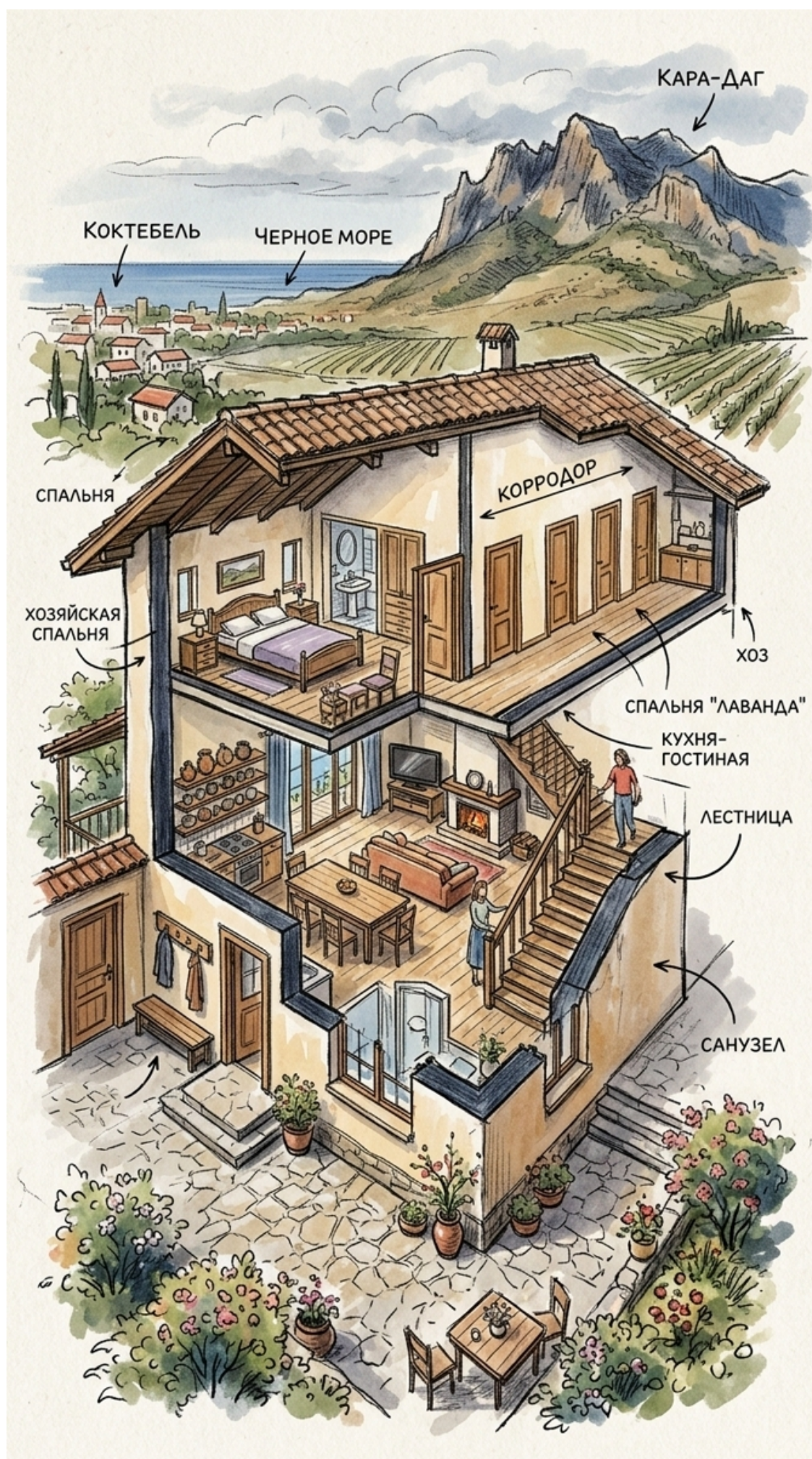
— Хорошо.

Марина вышла, прикрыла дверь и остановилась в тёмном коридоре. Только здесь поняла, что смотрит не на дверь, а на собственные руки — как на руки человека, который всё время кого-то оттирает. Может быть потому, что уже двенадцать лет пытается подсушить то, что не сохнет.

На террасе снова шумели, двигали стулья, спорили об ерунде. Дом снова зашумел, как организм, который пережил неловкость и теперь делает вид, что ничего смертельного не случилось. Виктор уже открыл вино, Игорь наконец-то нашёл правильную открывалку, Андрей важно разжигал угли так, будто в его руках был главный выключатель вселенной.

Но что-то всё-таки случилось.

Впервые за этот день ей стало жалко не только себя. И собственная пустота от этого стала горше.

Примерно так выглядит наш коттедж

Глава 3. Ужин с новым элементом

Вечер уже встал на рельсы, с которых потом не сходит до самой ночи. На террасе под навесом горел свет, стол оброс тарелками, голосами и бутылками, от тёплого камня поднимался воздух с дымком и виноградной сладостью, а море где-то внизу шумело так, будто у него тоже была своя компания.

Так получалось каждый год. Люди за пятьдесят боялись неловких пауз не меньше, чем голода, и этот страх выражался одинаково — дополнительными закусками.

За перилами террасы темнели плодовые деревья и невысокие кусты винограда, над двориком висела гирлянда жёлтых фонариков, и всё это вместе создавало ощущение небольшого волшебного острова света посреди тёплой южной ночи.

Марина окинула взглядом стол и поняла, что в этом году география излишеств сместилась. Раньше центр тяжести всегда приходился на её салаты и канапе. Теперь с краю торчал целый фланг, подпираемый Виктором.

— Это всё не обязательно, — сказала она, глядя на три вида мяса, колбасы, пару блюд с чем-то, подозрительно напоминающим хумус, и тарелку с запечёнными перцами.

— Обязательно, — уверенно ответил Виктор. — Я видел людей после дороги. Им кажется, что они устали сильнее, чем хотят есть. Это иллюзия.

— Особенно вон тот сервелат, — заметила Ирина, кивнув на выложенную дугой нарезку. — Форма подсказывает, что у Виктора на уме одни неприличные ассоциации.

— Я за качество продукта, — обиделся Виктор. — А что у вас у всех на уме — это ваши трудности.

— У некоторых после пятидесяти уже нет никаких трудностей, — сказала Надя. — Только воспоминания.

— У некоторых и воспоминаний нет, — добавила Ирина. — Только оливки.

— Не мешай науке, — отмахнулся Виктор.

Алина появилась на террасе с кувшином воды. В этот раз она проходила между стульями увереннее: уже знала, где ступенька, где доска пружинит и куда нельзя ставить ногу, если не хочешь, чтобы стул уехал.

Марина отметила про себя, как быстро человеческое тело подстраивается под новый ландшафт. И как сильно это зависит от того, насколько ему тут вообще рады.

— Куда ставить? — спросила Алина.

— Сюда, — сказала Вера и подвинула для кувшина тарелку с оливками. — Эти всё равно никто не ест.

— Я ем, — обиделся Виктор.

— Ты ешь всё, — сказала Ирина. — Оливки просто попадают под раздачу.

— Оливки — это святое, — возмутился он. — Я их ещё в машине охранял.

— От кого? — удивился Игорь. — От пробок?

— От вас всех, бессердечных, — заявил Виктор и обнял тарелку, как ребёнка.

Стол ещё раз шевельнулся лёгкой толкотнёй, как вагон: кто-то придвинулся к мясу, кто-то отодвинулся от сервелата, кто-то поменялся местами не глядя. Олег с Алиной в футболке с мокрым пятном в итоге оказались ближе к дальнему краю стола, ближе к перилам и почти напротив Марины. Сергей — как всегда, чуть сбоку.

— Так, — сказала Марина, поднимаясь. — Формальная часть.

— Ура, — произнёс Игорь. — Тост про то, как мы все любим друг друга.

— Это в конце, — сказала Ирина. — Сначала — инструкция по пользованию домом.

— Очень смешно, — вымученно улыбнулась Марина.

Она на самом деле каждый год произносила примерно одну и ту же речь: про газ, про горячую воду, про мусор и про то, что если кто-то ломает ещё одну дверь, ему придётся жить в сарае. Но в этом году в списке было ещё одно невидимое приложение — как именно им теперь жить с новым элементом системы.

— Краткая инструкция, — сказала она вслух. — Душ после моря — не все одновременно, иначе вода будет мстить. Третья конфорка слева по-прежнему с характером, так что не трогать без нужды. Полотенца висят в ванной, запасные — в комоде в коридоре. Оливки невкусные, но съедобные.

— Протестую, — сказал Виктор.

— Возражение отклонено, — отрезала Марина.

— Это суд или дача? — уточнил Игорь.

— Это дача, которая устала от ваших экспериментов, — отрезала она.

Компания напряглась, но всё же рассмеялась. Постепенно напряжение чуть спало — но не растворилось.

— И главное, — добавила она. — Если кто-то хочет что-то поменять — в комнате, в расписании, в меню, — говорите словами. Не намёками. Намёки плохо работают на людях пятьдесят плюс.

Она не смотрела в сторону Олега. Но знала, что все остальные как раз туда и посмотрели.

— Всё, — сказала Марина. — Формальная часть окончена. Можно делать вид, что мы спонтанны.

— Ура, — повторил Игорь уже искренне.

Они налили вино. Первыми подняли бокалы Вера и Виктор — по старой привычке начинать любой тост дуэтом.

— За то, — сказала Вера, — что мы снова здесь.

— И за то, — добавил Виктор, — что нам всё ещё хочется быть здесь.

— И за то, что нас всё ещё кто-то сюда пускает, — вставил Андрей.

— Не подлизывайся, — сказала Ирина.

— Я констатирую, — ответил он.

— Констатации после третьего бокала, — отрезала Ирина. — Сейчас мы просто радуемся.

— И за то, — добавила Ирина, поднимая бокал, — что у некоторых в этом году отпуск удался настолько, что они привезли с собой не только новые купальники. Не будем уточнять, кто именно.

Алина снова покраснела, но на этот раз улыбнулась. Олег сделал вид, что не расслышал, и отпил вина слишком сосредоточенно.

Они выпили. Вино было своим — терпким, летним, как этот вечер. В этом доме оно всегда казалось особенно вкусным, потому что работало смазкой между людьми.

Разговор сначала шёл привычными кольцами — работа, дети, родители, новости. У каждого был свой отрепетированный набор фраз, которыми удобно прикрывать те зоны, о которых говорить не хочется. Марина ловила эти обходные манёвры почти автоматически: кто-то в десятый раз пересказывал одну и ту же историю, кто-то вдруг становился слишком подробным в описании школьного чата.

Алина в этих кольцах почти не участвовала. Она слушала, иногда кивала, иногда задавала короткие вопросы — те самые, которые позволяют человеку говорить дальше, ничего не спрашивая по сути.

— А вы давно все так собираетесь? — спросила она в паузе, когда разговор споткнулся о конец очередной истории Виктора.

— Страшный вопрос, — сказал Игорь. — По нему сейчас можно будет высчитать наш возраст.

— Лет двенадцать, — сказала Вера после короткого счёта в уме.

— Двенадцать, — подтвердила Ирина. — Ровно с того лета, как появился дом.

— Господи, — сказала Вера. — Двенадцать.

— Это не возраст, — заметил Виктор.

— Это стаж, — ответила Ирина.

— Я уточню, — сказала Марина. — Это стаж совместного выживания.

Алина улыбнулась. На этот раз чуть шире.

— Впечатляет.

— Не повторяйте это дома, — сказал Сергей.

Все засмеялись. Даже Олег.

— А дом... — Алина посмотрела на Марину. — Это же ваш?

— Наш, — поправила Марина. — Но спрашивают всегда с меня.

— Она тут главный взрослый, — сказала Вера.

— Главный взрослый — это тот, кто за эту крышу платит, — возразил Андрей.

— Нет, — сказала Ирина. — Тот, кто этой крышей потом всех накрывает.

— Тогда я у нас по статье «муж при доме», — сказал Андрей. — Без полномочий, но с доступом к холодильнику.

Стол коротко хохотнул. Андрей уголком рта улыбнулся своим словам, и Марина поймала это движение боковым зрением — просто отметила: вот он, тот самый Андрей, с которым когда-то было легко.

Ближе к середине ужина разговор, как всегда, разошёлся веером. На одном конце стола обсуждали кино, на другом — дачные растения, в середине — как обычно, детей. Алина тихо пристроилась между Верой и Олегом, иногда вставляя что-то про кафешки, где они делали интерьер, про заказчиков, которые хотели «как в Пинтересте, только недорого».

— Это как? — искренне удивился Игорь.

— Это никак, — сказала Алина. — Но иногда мы делаем вид, что это возможно.

— Знакомая модель, — заметил Сергей.

— Ты сейчас про работу или про жизнь? — спросила Марина.

— Я ещё не решил, — ответил он.

Она поймала себя на том, что улыбается. Не ему — формулировке. Это было чуть безопаснее.

— А ещё у нас заказчики, — вздохнула Алина, — стали часто выбирать светлую плитку на кухню, причём с таким лицом, будто томатный соус обязан вести себя прилично.

— Это уже научная фантастика, — сказала Ирина.

— Это хоррор, — уточнил Игорь.

— Не мешайте девочке зарабатывать, — сказал Виктор. — Она вам ещё скидку сделает.

— Не сделаю, — спокойно ответила Алина. — Но могу подобрать плитку, которая не будет мстить.

— Вот, — сказала Марина. — Беру в протокол: «плитка, которая не мстит».

Олег тем временем рассказывал очередную историю про офисный корпоратив — средней свежести и средней смешности, но с таким азартом, как будто от этого зависел его рейтинг. Алина засмеялась — чуть громче, чем требовала история. Марина услышала в этом смехе знакомую ноту: «я здесь, я поддерживаю, я не мешаю». И подумала, что, возможно, знает этот звук лучше, чем хотелось бы.

— Твой лучше, — шепнула ей Вера про Олега, когда он на секунду отвернулся.

— В смысле? — не поняла Марина.

— Твой корпоратив. Ты хотя бы не делала вид, что всё нормально, когда не было, — сказала Вера. — Ты просто закрыла бар.

— Это было одноразовое решение, — отрезала Марина.

— Но запоминающееся, — сказала Вера.

В какой-то момент Вера вновь наклонилась к Марине.

— Всё нормально? — спросила тихо.

— В смысле?

— Ты слишком много следишь за всеми.

— Я всегда так делаю.

— Да, — согласилась Вера. — Но обычно ты делаешь это чуть веселее.

Марина хотела возразить. Но не нашлась.

В этот момент на дальнем конце стола Андрей что-то сказал Сергею, тот ответил, и оба одновременно посмотрели в её сторону. Очень коротко — но достаточно, чтобы она почувствовала: разговор всё-таки был о ней.

— Всё нормально, — сказала она Вере. — Я просто смотрю, чтобы дом не развалился.

— Дом выдержит, — сказала Вера. — Люди — не уверена.

— Люди сами за себя, — ответила Марина.

— Это ты так думаешь, — сказала Вера. — А потом идёшь проверять, капает ли кран.

Марина ничего не ответила. Потому что Вера была права, а спорить с правдой не хотелось.

В какой-то момент разговор о детях перекинулся на тему «кто в каком возрасте вёл себя хуже всего». Виктор рассказывал, как он в десять лет решил сбежать из дома до соседнего подъезда и забыл взять с собой ключи. Ирина — про себя в девятнадцать, когда она вышла замуж «из спортивного интереса». Вера — про то, как в двадцать три уехала на море с человеком, который не умел плавать.

— А ты? — спросила вдруг Ирина у Марины. — В каком возрасте ты была самой... ммм... отважной?

Марина почувствовала, как к горлу подступает тот самый комок, который она научилась сглатывать ещё до того, как научилась красиво резать помидоры.

— В двадцать девять, — сказала она.

— Это когда ты... — начала Вера и осеклась.

— Да, — тихо сказала Марина. Наступила короткая пауза. — Когда я вышла замуж.

Секунда тишины была тоньше, чем обычно. Потому что все знали, что она могла сказать и другое число. Тот год, когда они купили этот дом. Тот, когда родился сын. Тот, когда она ушла из нормальной работы. Но она выбрала двадцать девять.

— Неплохой возраст, — сказал Сергей.

— Для чего? — спросила Ирина.

— Для того, чтобы не знать, что ты делаешь, — ответил он.

— Для экспериментов, — уточнила Ирина. — Жалко, что мы узнаём об этом задним числом.

Марина взяла бокал.

— А потом это уже становится осознанным выбором, — сказала она и сделала глоток.

— Bravo, — тихо сказал Игорь.

Олег смущённо кашлянул. Алина опустила глаза.

В груди разросся странный коктейль: гордость за удачную фразу, стыд за эту гордость и облегчение от того, что она всё ещё умеет шутить про себя, а не только про других.

Ближе к концу ужина разговор наконец скатился в безопасную зону — кино, сериалы, новые кофейни. Кто-то спорил про ремейк старого фильма, кто-то ругался на сервисы доставки. Марина позволила себе на несколько минут перестать держать руку на пульсе стола и просто слушать, как шумит их маленький человеческий улей.

— Я пойду поставлю чайник, — сказала она в какой-то момент.

— Сядь, — попросила Вера. — Я сама.

— Ты ещё салат не доела.

— Я могу есть стоя.

— Я тоже, — сказала Марина. — Но это не значит, что надо.

— Ну ты же у нас всё равно всё сделаешь, — сказал Андрей, не отрываясь от бокала.

Марина повернула к нему голову.

— Конечно, — ответила она. — Я же всегда всё делаю.

Она поднялась. Андрей остался сидеть, даже не потянувшись сдвинуть тарелки.

В итоге чайник поставил Сергей. Просто встал, ушёл на кухню и вернулся через пару минут с коротким отчётом:

— Кипит.

— Как быстро, — удивился Виктор.

— Это у тебя всегда так долго, — сказала Ирина. — Ты сначала его допрашиваешь.

— Я просто даю технике шанс объясниться, — ответил Виктор.

— А она каждый раз просит отпуск, — добавил Игорь.

Марина поймала взгляд Сергея. На этот раз она не отвела глаза сразу.

— Спасибо, — сказала она.

— Пожалуйста, — ответил он. — Я умею читать намёки.

— Это не намёки, — сказала Марина. — Это прямой текст.

— Тем более.

Она снова улыбнулась. На этот раз даже себе это позволила.

Чай разливался уже в более рыхлой атмосфере. Кто-то пересел с вина на травы, кто-то, наоборот, долил себе ещё «на дорожку до кровати». Вера пыталась посчитать, сколько кружек в доме, и каждый раз терялась на числе семь.

— Их было восемь, — говорил Игорь. — Одну ты разбила в позапрошлом году.

— Её разбил ты, — возражала Вера. — Я только дышала рядом.

— Свидетели утверждают обратное, — вмешалась Ирина.

— Какие свидетели? — возмутился Игорь.

— Я, — сказала Ирина. — И стакан, который всё видел.

— Стаканы не считаются, — отрезал Виктор. — Они предвзяты.

Марина слушала эту перепалку как проверенный фон: если люди спорят о кружках, значит, никто пока не спорит о главном.

Когда они наконец встали из-за стола, дом шумел, как вечерний вокзал: стулья скрипели, посуда звенела, кто-то искал зарядку, кто-то спорил о том, кто подметёт террасу. Марина осталась на месте на секунду дольше остальных, опершись ладонями о стол.

Стол был тёплым от тарелок и рук. Доска под скатертью чуть пружинила — как будто дом снова дышал.

Она поймала себя на странной мысли: если бы кто-то спросил сейчас, чего ей больше всего хочется, она бы ответила не «чтобы все разъехались» и не «чтобы всё вернулось, как было». Ей хотелось, чтобы этот вечер закончился без ещё одного маленького разрушения.

Чтобы никто не хлопнул дверью. Чтобы никто не бросил фразу, которую потом придётся помнить год.

— Марин, ну ты идёшь? — позвал Андрей.

— Иду, — ответила она.

На ступеньке он задержал её на полшага:

— Ты как? Нормально?

— Нормально.

— Ну... ты же справишься, да?

— Справлюсь, — сказала Марина. — Как всегда.

Он кивнул, довольный ответом, и пошёл дальше.

Марина на секунду остановилась. Перед уходом в дом погасила свет над столом, оставив только гирлянду по перилам — тёплые жёлтые огоньки, из-за которых терраса всегда была чуть менее реальной.

Дом в ночи будто выдохнул. И

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.